

Korževa, K. P.

Крито-микенское общество в советской историографии

In: *Studia Mycenaea : proceedings of the Mycenaean symposium, Brno, april 1966*. Bartoněk, Antonín (editor). Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1968, pp. [131]-141

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119950>

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

К. КОРЖЕВА

(Алма-Ата)

КРИТО-МИКЕНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема крито-микенского общества, возникшая в мировой исторической науке со времени крупных археологических открытий конца XIX — начала XX веков, является одной из важных проблем в советской науке об античности.

Беря во внимание большие заслуги зарубежных ученых в добывании, накоплении и исследовании источников, учитывая установление новых, проверенных материалами расшифрованного линейного письма „Б“ фактов, советские историки в решении сложной проблемы крито-микенского общества исходят из марксистско-ленинского учения о закономерном развитии человеческого общества, из учения об общественно-экономических формациях. В связи с этим эта проблема в советской историографии античности представляет научный интерес не столько в направлении описания вещественных и письменных материалов критской и микенской культур, сколько в направлении раскрытия всего исторического процесса, протекавшего в странах Восточного Средиземноморья в III—II тыс. до н. э. В поисках правильных ответов на вопросы, поставленные проблемой, в поисках возможно точного изображения действительного исторического процесса в древней Эгееде, советские историки античности прошли большой и отнюдь не гладкий путь борьбы и дискуссий. В первые годы после Октября в трудах маститых русских ученых, Е. Кагарова, Р. Ю. Вилпера, В. П. Бузескула, А. Захарова, крито-микенское общество рассматривалось в духе западноевропейского модернизма как общество феодальное.

Работа В. И. Ленина „О государстве“, изданная в 1929 году, вскрывавшая глубокие корни происхождения классов и государства, дала мощный толчок советской исторической науке в разработке социально-экономических вопросов. Важнейшим фактором развития человеческого общества стало признаваться материальное производство. Усилилось внимание к вопросу о положении основных производителей материальных благ. Под влиянием идей В. И. Ленина стали определяться основные марксистские методологические принципы понимания сложных и запутанных исторических проблем.

В этот период укрепления основ марксизма-ленинизма советские историки отказались от взгляда на эгейский мир, как мир феодальный. Нащупывая новые пути в разрешении вопроса о социально-экономическом строе Крита и Микен ленинградский историк Б. Л. Богаевский выдвинул гипо-

тезу о доклассовом строе древнеэгейского мира в различных стадиях развития от глубокого матриархата на Крите до последних стадий патриархата в Микенах. Утверждая непрерывное поступление вперед в развитии Восточного Средиземноморья, считая, что раньше „военной демократии“ Гомеровской эпохи могла быть только слабо развитая предварительная ступень крито-микенского мира, Б. Л. Богаевский в значительной степени исходил из теории Н. Я. Марра о „стадиальном“ развитии языков и народностей. Базируясь на этом он искусственно вытягивал историческое развитие племен Восточного Средиземноморья в одну непрерывную прогрессирующую линию: Крит-Микены-Гомер-Греция, несмотря на то, что в угоду этой „непрерывности“ пришлось все литературные и материальные памятники уложить в „прокрустово ложе“. Новая гипотеза в первое время получила признание (С. И. Ковалев, А. Н. Дальский, отчасти А. И. Тюменев и др.).

В 30-ые годы — годы становления социализма, советская наука пережила бурный период развития. В печати появились работы об экономике докапиталистических обществ, об античном производстве и воспроизводстве, о формах и степени развития классовой борьбы, о причинах крушения античного рабства, о принципах периодизации античной истории.

В связи с правительственным постановлением о преподавании гражданской истории в школах и вузах страны (1934 г.) и написанием марксистского учебника по истории древнего мира, а также в соответствии с подготовкой к изданию первой марксистской „Всемирной истории“, перед советскими историками встала задача обобщить существенные итоги исследований, обсудить мнения по отдельным спорным проблемам и определить их научную состоятельность. В связи с этим в 1940 году в Академии Наук СССР состоялась широкая дискуссия по вопросу о характере общественного строя Крита и Микен. Гипотеза Б. Л. Богаевского о доклассовом общественном строе была подвергнута острой критике.

На фактах из всемирной истории участники дискуссии — А. В. Мишулин, А. Б. Ранович, В. И. Авдиев, Н. А. Машкин, С. П. Толстов, С. В. Киселев, В. С. Сергеев, В. Д. Блаватский, Н. А. Кун и многие другие показали, что „... представлять себе всемирную историю, идущую гладко и аккуратно вперед, без гигантских скачков назад, недialeктично, ненаучно, теоретически неверно“. (В. И. Ленин, Соч., т. XXII, изд. 4, стр. 296). В этом плане становилось ясным, что „демократия“ гомерского общества, наступившая после высокого общественного строя Крита и Микен, не находилась с ним в противоречии и что Б. Л. Богаевский явно ошибался, считая гомеровский строй выше критского.

На дискуссии было отмечено резкое несоответствие в определении Б. Л. Богаевским родового строя на Крите и в странах Древнего Востока. В одном случае он переоценил пережитки первобытнообщинных отношений на Крите и в Микенах, забыв о том, что первобытное общество никогда не было способно выделить большого количества свободной рабочей силы и породить такую высокую технику труда. (См. Ф. Энгельс, „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, Госполитиздат, 1963, стр. 195). В другом случае произошла недооценка сохранения первобытнообщинных отношений в государствах рабовладельческого Востока.

Желая по новому понять Эгейский мир Б. Л. Богаевский не учел того,

что общие законы развития общества выступают в конкретно-историческом своеобразии, творческий анализ которых является очень трудной, но необходимой задачей историка-марксиста. Б. Л. Богаевский и сторонники его гипотезы не смогли до конца понять и объяснить особенности и динамику социологических законов, в частности, в конкретных условиях обществ Восточного Средиземноморья III и II тыс. до н. э. В определении крито-микенского общества, как общества доклассового, произошло явное несоответствие, разрыв между фактической историей общества и теоретическим обобщением фактов. Упрощенчество в освещении исторического процесса развития эгейских племен, насильственная подготовка его под готовую формулу, привели таким образом Б. Л. Богаевского к нарушению исторической правды.

В докладе В. С. Сергеева, отражавшего точку зрения большинства участников дискуссии, были приведены убедительные свидетельства о высоком развитии критской экономики: освоении бронзы, строительной техники и ремесла, о широком размахе морской торговли, о связи с соседними странами. В докладе был показан характер власти правящего класса и царя, развитый аппарат угнетения широких кругов населения. Отметив бедность источников о рабах и трудовом населении Крита, В. С. Сергеев пришел к выводу о том, что постройка критских дворцов, работа в каменоломнях, в царских мастерских, парусном флоте все-же позволяют говорить о применении в хозяйстве Крита рабского труда. Все это сближает социально-политическую структуру Крита с раннерабовладельческими государствами Передней Азии.

На основании материалов археологии, проверенной традиции античности и данных наиболее устойчивой специальной (зарубежной и отечественной) литературы, в бурной полемике противоположных мнений, был разрешен основной вопрос проблемы — вопрос о социальном строе Крита и Микен. В результате дискуссии установился взгляд на Эгеиду как на общество ранне-классовое, приближающееся к рабовладельческим обществам типа древневосточных деспотий, с наличием пережитков родовых отношений. Дискуссия явилась ярким показателем творческого подхода советских историков к определяющим положениям марксизма-ленинизма о развитии человеческого общества на одном из сложных конкретных участков древней истории.

В ходе дискуссии выявилась необходимость знания крито-микенской письменности, одной из древнейших письменностей Средиземноморья.

Интенсивное изучение крито-микенской письменности за последние четверть века учеными различных стран (А. Персон, Д. П. Карателли, Б. Грозный, В. Георгиев, Кречмер, А. Кобер, А. Фурумарк, Б. Вебстер, Блеген, Л. Ф. Палмер, и другие), завершилось, как известно, блестящим успехом в расшифровке линейного письма „В“ англичанами М. Вентрисом, и Д. Чедвиком (1952).

Открытие Вентриса и Чедвика нашло горячий отклик среди ученых Советского Союза (С. Я. Лурье, А. И. Тюменев, Я. А. Ленцман). В книге С. Я. Лурье „Язык и культура микенской Греции“, Москва—Ленинград 1957, автор предложил свой опыт чтения, некоторых, в частности, пилосских надписей, внеся некоторые дополнения в метод Вентриса. С. Я. Лурье установил некоторые грамматические и орфографические особенности этого

письма, показав близость „правил орфографии“ микенских надписей с соответствующими „правилами“ кипрского силлабария. По меткому выражению Я. А. Ленцмана „... заслуга С. Я. Лурье состоит в том, что он ввел расшифровку в ее филологический контекст“ („Рабство в микенской и гомеровской Греции“, Москва 1963, стр. 116). Прочитанные тексты крито-микенского письма, относящегося по мнениям большинства ученых, к архаической разновидности греческого языка, значительно пополнили материалы археологии, античной традиции и отрывочных сведений восточных источников. Успехи в расшифровке крито-микенской письменности предопределили широкие перспективы в дальнейшем исследовании сложной крито-микенской проблемы и заложили начало новой в мировой науке дисциплины микеноведению или микенологии.

В прочном фундаменте памятников материальной культуры, в сочетании с литературными традициями древнегреческого эпоса и мифологии, с новейшими данными дешифровки линейного письма, „В“, утя ошибки прошлых лет, советские ученые, вооруженные марксистской методологией, в содружестве с прогрессивными учеными за рубежом, пришли к единому решению по ряду вопросов истории крито-микенского общества.

В советской науке считается установленным, что период III и начала II тыс. до н. э. в Эгейском бассейне был временем перехода от доклассового состояния к образованию классов и государства. Уже в это время самостоятельного развития местных племен (до прихода ахейцев) здесь была высокая техника обработки камня и глины. Освоение бронзы привело к значительному сдвигу в развитии производительных сил и к дальнейшему подъему общественного производства. (Современное состояние источников не позволяет пока ничего определенного сказать о развитии центральной (Киклады) и других групп островов Эгейского моря, за исключением Родоса, древнюю историю которого в значительной степени исследовала К. М. Колобова).

Накопление избыточного продукта в родовых общинах Крита в указанный выше период вызвало появление социального неравенства. Из общей массы общинников произошло выделение родоплеменной аристократии, возникла частная собственность и патриархальное рабство. Относительная бедность документальных данных не позволила советским ученым подробно охарактеризовать специфику рабовладельческих отношений на Крите, но предположение о том, что в сельском хозяйстве и в ремесле, наряду с трудом свободных применялся труд рабов, — в настоящее время является наиболее вероятным. Рабский труд на Крите не был господствующим в производстве, он не вытеснил труда свободных мелких производителей в общественном производстве, но он несомненно был, что позволяет советской исторической науке рассматривать критское общество II тыс. до н. э., как примитивное, но уже сложившееся, раннеклассовое общество. Это мнение о социальном строе Крита, сформулированное В. С. Сергеевым ещё задолго до расшифровки крито-микенской письменности (Исторический журнал, 1939, № 6) и поддержанное большинством советских ученых после расшифровки, обогащаясь новыми доказательствами, все более становится убедительным.

Менее доказанным остается вопрос о процессе сложения на Крите государственного строя, но основная мысль о том, что государство там возникло

постепенно, в результате внутреннего развития общества, а не вследствие внешнего вмешательства, в советской науке остается ведущей. Интенсивный процесс формирования централизованного государства на Крите во главе с Кноссом, происходил в XVIII—XVI вв. до н. э. В это время, вероятно, на Крите уже образовалось классовое общество с государством типа ранних восточных монархий. Советские историки, вопреки мнениям некоторых зарубежных ученых, не могут считать основной причиной разрушения дворцов Крита в конце XV в до н. э. одно лишь вторжение ахейских племен. В. В. Струве писал: „... мы уже не можем вместе с буржуазными историками видеть в разрушении дворцов Крита ... одно лишь внешне-политическое событие. Несомненно, катастрофа, разразившаяся тогда над дворцами Крита, была обусловлена не только победоносным вторжением ахейских орд, но и восстанием, наряду с рабами, массы непривилегированного населения, которое захватило „Крит посреди виноцветного моря, прекрасный, тучный““. (Вестник древней истории, 1950, № 4, стр. 47.) Причиной крушения критского государства, очевидно, было сочетание неустойчивого внутреннего состояния общества с вторжением племен извне.

Период с XX по XI вв. до н. э. (до нашествия дорийцев), принято называть ахейским, составляющим основную часть критомикенской цивилизации. В советской науке это наименование принято, но отнюдь не в силу „расовой“ обособленности ахейцев (Шухардт, Корнеман), а в силу более быстрого темпа развития эгейских племен, обусловленного ассимиляцией с местными обитателями Эгейды и их культурой, а также благоприятным географическим положением и близостью к древневосточным центрам.

Период микенского классового общества, связанного с деятельностью ахейцев в Пелопоннесе и ионийцев в Аттике, явился завершающим этапом Эгейского мира и начальным звеном в истории непосредственно античной Греции.

По мнению советских историков, микенское общество в своей истории проходило те же этапы социально-экономических отношений и политического устройства, что и на Крите, лишь на несколько веков позже. Однако в соответствии с новыми материалами вещественных источников и особенно данными пиловских надписей, в советской историографии сложился взгляд на микенскую культуру как глубоко самобытную, имеющую свои собственные исторические традиции, отличные от критских, свою древнюю строительную и военную технику. В отличие от Крита вся микенская культура носила военизированный характер.

Материалы источников, особенно пиловских табличек, раскрывали в микенском мире далеко зашедший процесс разложения родового строя и начало образования ранне-классовых отношений уже в конце III тыс. до н. э. Переселение ахейцев ускорило процесс разложения родового строя, развития ремесла и торговли у местных микенских племен.

Вопрос о характере социально-экономического строя микенской Греции является одним из главных вопросов в советской историографии античности. Советские историки в ряде исследований, особенно после расшифровки линейного письма, доказали своеобразный рабовладельческий характер микенского общества, специфику которого советская наука относит к истокам родового строя, к результатам внутреннего развития микенских пле-

мен. Однако, во II тыс. до н. э., в Микенах, также как и на Крите, „... не раб, а свободные крестьяне были основными фигурами в производственной жизни ахейцев, рабский труд стоял еще на втором месте“ (Т. В. Блаватская и др., История древней Греции, Москва 1963, стр. 97).

В этом главном выводе среди советских ученых не возникает принципиальных расхождений, но разночтения и отрывочность источников, а в ряде случаев и отсутствие таковых, порождали и порождают споры и дискуссии по отдельным аспектам этого сложного вопроса.

Акад. А. И. Тюменев, основываясь на марксистско-ленинском учении о тесной связи и взаимозависимости между базисом и надстройкой, сопоставив пути эволюции древних народов Эгейского бассейна и народов Египта и Двуречья, выявив общие черты в развитии этих миров, пришел к выводу об имеющемся различии „общественного строя и исторических судеб восточных и античных рабовладельческих обществ“. („Передний Восток и античность“, Вопросы истории, 1957, № 6, стр. 51. Он же, „Восток и Микены“, там же, 1959, № 12.) Анализируя различие путей и форм рабства в странах Востока и античности, он говорил о том, что различие это „было обусловлено естественной средой“, откуда также и „варьирующим характером их экономического базиса“. („Tegeta пилосских надписей“, Вестник древней истории, 1959, № 4, стр. 32.) Автор пояснял, что потребность ирригационного земледелия в восточных деспотиях вызывали преобладание государственного хозяйства и поголовное порабощение всего местного населения, в то время, как в древней Греции естественные условия порождали частное предпринимательство, которое влекло за собой частное рабовладение. На основании исследования пилосских надписей А. И. Тюменев пришел к выводу о том, что „... в результате освоения и захвата свободных земель уже в микенской Греции совершился рост крупного землевладения, притом, на основе полной собственности“. (Там же.) Термин tegeta, неоднократно повторявшийся в пилосских надписях и вызывавший в науке большой интерес и самые различные толкования, А. И. Тюменев определил как название социальной группы крупных землевладельцев, принадлежавших к привилегированным общественным слоям родовой аристократии Пилоса и возделывавшим целинные земли при помощи труда своих бедных сородичей, должников, рабов (там же).

Новые мысли в микенологию, особенно в области изучения древнейшей Греции, внесли исследования С. Я. Лурье. Исходя из своего, во многом оригинального чтения надписей пилосских табличек, С. Я. Лурье пришел к выводу о том, что греческие общества микенской эпохи были централизованными государствами, отличными от древневосточных деспотий, с большим бюрократическим аппаратом, частной собственностью на землю и рабовладением. Однако рабы „не представляли собой класса резко противопоставленного свободным“. (С. Я. Лурье, „К вопросу о характере рабства в микенском рабовладельческом обществе“, Вестник древней истории, 1957, № 2, стр. 24.) Автор отмечал, что между свободными и рабами можно было обнаружить целый ряд промежуточных категорий населения, различавшихся по своему экономическому и политическому положению. С. Я. Лурье во всех своих работах неизменно приходил к мысли о широком распространении в микенском мире частновладельческого рабства, (а не общиннопатриархального или дворцового). Юридическим хозяином оста-

вался „народ“, права которого, по мнению С. Я. Лурье, могли сохраниться от времен родовой военной демократии, но фактическая власть в распределении арендных земель могла также принадлежать „царю“, „воеводе“ и др. административным лицам. (Там же, стр. 9—10; он же, „Опыт чтения пиловских надписей“, там же, 1955, № 3, стр. 19—23, 25, 27.) Наряду с общинной землей С. Я. Лурье (в противоположность Уэбстеру) подчеркивал существование в Пилосе сектора частновладельческой земли.

Против мнения С. Я. Лурье и отчасти А. И. Тюменева, о характере рабовладения в микенских обществах, выступил Я. А. Ленцман. В ряде статей и особенно в монографии, — первой крупной работе из академической серии исследований по истории античного рабства, — „Рабство в микенской и гомеровской Греции“, Москва 1963, — Я. А. Ленцман отрицает существование в микенской Греции II тыс. до н. э. крупных городов. „В микенской Греции центрами не только политической, но и экономической жизни были не города, а дворцы местных правителей..., и только связанные с ними располагавшиеся вокруг поселения“ (Указ. соч., стр. 165). Я. А. Ленцман отмечал наличие в Пилосе и других центрах микенского мира больших хозяйств дворцов, выросших из родовых поселков, обслуживаемых дворцовыми, (а не частновладельческими), рабами и наряду с этим, сохранение в них рудиментов патриархальных отношений. (Указ. соч., стр. 188.) На основании данных пиловских табличек Я. А. Ленцман считает структуру дворцового хозяйства в Пилосе резко отличной от организации греческих полисов, но сопоставимых с царским и храмовыми хозяйствами Передней Азии III и II тыс. до н. э. (Там же, стр. 165, 187.) Рабы, упоминаемые в пиловских текстах, по мнению Я. А. Ленцмана, использовались, главным образом, в дворцовых хозяйствах и им принадлежали. Число рабов и степень применения рабского труда в микенском мире и, в частности в Пилосе, значительно превосходили все, что нам было известно из эпоса. (Там же, стр. 8.) Расхождения во взглядах С. Я. Лурье и Я. А. Ленцмана по вопросу о формах и характере микенского рабства, объясняются не принципиальным разногласием методологического свойства, а недостаточностью на данной стадии исследования известных науке источников.

Советские ученые (Я. А. Ленцман, Т. В. Блаватская, К. М. Колобова) считают, что причиной упадка микенской культуры, наряду с вторжением дорян, являются внутренние социальные противоречия, ослабившие ахейские государства еще до их прихода. Именно поэтому „микенское общество, уже испытывавшее на себе воздействие процессов социально-имущественной дифференциации и знакомое с противоречиями рабовладельческого строя, не оказалось в состоянии выдержать напора дорийских завоевателей“. („Древняя Греция“, под редакцией В. В. Струве и Д. П. Каллистова, Москва 1956, стр. 58.)

Нашествие дорян повлекло за собой общую деградацию культуры эгейского мира. Доряне разрушили социально-экономическую и политическую структуру микенского общества, на несколько столетий замедлили его развитие, отбросили его назад, но не прервали этого развития окончательно. Сильные своей первобытностью и умением пользоваться железным оружием и орудиями труда, доряне, ассимилировавшись с оставшимися здесь племенами, восприняли у них достижения строительной техники,

ремесла и торговли и через несколько веков исторического развития упростили в греческом мире железную технику. Наступивший вслед за микенским новым, так называемый, гомеровский период, хотя и был периодом „военной демократии“, однако он был уже „веком железа“

Дорийское нашествие по мнению советских историков, не изменило этнического облика населения Эллады и не внесло существенных корректив в корни греческого языка. Племена, населявшие крито-микенский мир и пришельцы с севера, в основном доряне, в процессе исторического развития слились в единую народность, именуемую традицией эллинами — греками. „Местное население не было уничтожено дорийцами; культура греческих племен 1 тысячелетия до н. э. многими своими корнями уходит в микенский мир“ („Всемирная история“, Москва 1956, т. 1, стр. 421). Ранние рабовладельческие общества микенской Греции, несмотря на свое быстрое падение, „сыграли довольно большую роль в дальнейшем развитии греческой культуры, которая многое унаследовала от общества поздне-элладского периода“. (Там же.) В связи с этим в советской историографии подвергается сомнению понятие „догреческая культура“, „догреческое население“, употребляемые часто в зарубежной науке, когда речь шла или идет об истории древней Греции до нашествия дорян.

*

Следовательно, советские историки считают, что история крито-микенского или эгейского общества, восходящего к неолиту, составляет органическую часть развития древних племен Восточного Средиземноморья и является яркой и первой эпохой в истории древней Греции. На этом основании в советской историографии античности господствует общепризнанное мнение о том, что „гомеровскому“ периоду Греции предшествовало многовековое существование более развитой и более древней цивилизации Эгейского бассейна, главными центрами которой были Крит и Микены. Вопрос с чего начинать историю древней Греции для советских историков перестал существовать. В поступательном движении человечества крито-микенская эпоха является одним из периодов высокого исторического развития древнейшей Греции.

Глубоко исследовав процессы экономического, политического и культурного развития племен Крита и Микен, признавая самобытные черты и своеобразные традиции в истории этих территориально-общественных объединений, советские ученые пришли к выводу о единстве социально-экономического развития критского и микенского обществ. Это единство социально-экономического развития, в сочетании с этнической близостью всех эгейских племен, позволило советским ученым обобщить историю развития населения Крита и Микен в конце III-го—II-м тысячелетиях до н. э. в единый исторический комплекс, именуемый крито-микенским обществом.

Отбросив теории о крито-микенском „феодализме“, а также ошибочную гипотезу Б. Л. Богаевского о доклассовом строе Эгеиды, как надуманные и бездоказательные, советские историки античности считают, что история крито-микенского общества в конце III-го и II-м тысячелетиях до н. э. являлась временем возникновения, расцвета и упадка первых раннеклассовых рабовладельческих государств с наличием пережитков родового

строю. На основании новейших источников становится наиболее вероятным, что социально-экономический строй и политическая структура крито-микенского общества испытали большое влияние стран рабовладельческого Востока, тем не менее Эгейское общество не было механическим повторением истории древневосточных деспотий (А. И. Тюменев, В. В. Струве, С. Я. Лурье, Я. А. Ленцман, Т. В. Блаватская).

Советские историки в своих исследованиях подвергали критике концепцию об „арийском“ завоевании, принесшем якобы, с севера в эгейский мир высокую древнегреческую культуру. Имеется мнение о том, что местные крито-микенские племена еще задолго до прихода ахейцев и дорийцев с севера, самостоятельно развиваясь, шли по пути разложения первобытно-общинных отношений и образования классов и государства. Перемещение ахейских племен и ассимиляция их с местными племенами ускорили, (а не вызвали), этот длительный внутренний социально-экономический процесс. На базе творческого развития марксистского положения о древних миграциях, в сочетании с данными новейших источников и литературы, советские ученые наметили пути в разрешении сложного и запутанного апологетами „расовой“ теории, вопроса об этническом происхождении крито-микенских племен. Существует определенное мнение о культурной, возможно, языковой, близости древнего населения Эгейды с пришельцами с севера, ахейцами, дорьянами и другими племенами, образовавшими в процессе длительного исторического развития единую греческую народность и высокую культуру древней Эллады.

Впрочем не все стороны проблемы крито-микенского общества в марксистской науке об античности изучены до конца. Некоторые вопросы находятся еще в стадии предварительных исследований, изысканий и обсуждений. Так, например, необходимы новые доказательства для определения особенностей критского и микенского обществ и государств. Требуется уточнения вопрос о характере зависимости эгейского населения от власти критских и микенских царей в различные века эгейской истории. Недостаточно еще изучены источники о возникновении и развитии рабства и факты классовой борьбы внутри крито-микенского общества. Не уточнены причины разрушения дворцов на Крите. Недостаточно четко установлена совокупность событий и причин упадка критского и микенского обществ. „К сожалению мы пока еще очень мало осведомлены о конкретных особенностях микенского государства“ („Древняя Греция“, Москва 1956. стр. 59). Не установлено сколько государственных образований, каких и где существовало в микенское время. Необходима дальнейшая работа по изучению всех аспектов сложного этногенеза племен Эгейды. Широкое поле деятельности остается в области накопления и выявления новых источников.

Однако нет сомнения, что совместные усилия советских историков, ученых стран народной демократии и многих ученых за рубежом, помогут окончательно выяснить спорные вопросы из истории древнеэгейского мира. Свидетельством этого является большая исследовательская работа и подготовка новых публикаций по этой проблеме, как в Европе, так и у нас, в СССР. К примеру можно назвать монографию Т. В. Блаватской „Ахейская Греция“, которая по плану издательства „Науки“, вышла в свет в 1967 году.

Таким образом, в результате творческого развития марксизма-ленинизма,

в неослабевающей борьбе с ошибочными теориями и взглядами, на базе новых материалов после расшифровки слогового письма Б и критического освоения накопленных в мировой науке источников и литературы, методом коллективного труда, — советские историки античности способствовали разрешению сложных вопросов проблемы критомикенского общества и тем самым внесли некоторый положительный вклад в новую отрасль исторических знаний — микенологию.

SOCIÉTÉ MYCÉNIENNE DANS L'HISTORIOGRAPHIE SOVIÉTIQUE

Le problème de la société-mycénienne, qui est née depuis des grandes découvertes archéologiques à la fin du XIXe et au commencement du XXe siècles, est un des problèmes importants pour les études de l'histoire de l'Antiquité en URSS.

Les historiens soviétiques reconnaissent de grands mérites des savants étrangers dans le domaine de l'étude de l'Antiquité et tiennent compte des faits nouveaux qui sont relevés dans la documentation écrite en langue linéaire actuellement déchiffrée. Mais pour résoudre le problème compliqué de la société Créto-mycénienne ils se basent sur la doctrine marxiste-léniniste, sur le développement régulier de la société humaine et sur la doctrine des formations sociales et économiques. C'est pourquoi l'historiographie soviétique de l'Antiquité s'intéresse au problème de la société créto-mycénienne pas tellement au point de vue des richesses archéologiques (de la documentation écrite ou des objets des civilisations crétoise et mycénienne) qu'au point de vue de déchiffrement de ce processus historique qui a eu lieu dans des contrées méditerranées orientales en III-II millénaires avant notre ère.

En recherchant des réponses exactes aux questions posées par le problème de la société créto-mycénienne, et en faisant tout son possible pour donner le tableau le plus exacte du procès historique de ce monde antique, les historiens soviétiques après longues discussions sont arrivés à ces conclusions.

D'après l'opinion des historiens soviétiques, l'histoire de la société créto-mycénienne peut être considérée comme une suite du développement des tribus de la haute Antiquité de la Méditerranée Orientale.

Cette époque doit être considérée comme la première dans l'histoire de la Grèce antique. Par conséquent les spécialistes soviétiques considèrent que l'époque „homérique“ était précédée dans la partie de la mer Méditerranée d'une civilisation plus ancienne et beaucoup mieux développée qui existait pendant des siècles et dont les centres principaux se trouvaient à l'île de Crète et à Mycènes.

A partir de quelle époque commence l'histoire de la Grèce antique? Cette question n'existe plus pour les historiens soviétiques. Dans l'évolution de la société humaine l'époque créto-mycénienne est une époque du grand développement historique de la Grèce antique.

Les savants soviétiques, après avoir profondément étudié des procès du développement économique, politique et culturel des tribus de Crète, et en établissant que l'histoire de ces unions des peuples nous montre des traditions et des traits caractéristiques tout à fait originaux, sont arrivés à la conclusion que le développement social et économique de la société crétoise aussi bien que de la société mycénienne ont suivi le même chemin. Cette ressemblance du développement social et économique de deux civilisations et le fait de la parenté ethnique de tous ces tribus ont permis aux savants soviétiques de considérer toute l'histoire du développement de la population de la Crète et des Mycènes à la fin des III—II millénaires avant notre ère, comme un complexe historique, nommé la société créto-mycénienne.

En rejetant des théories du „féodalisme“ ou „démocratisme“ etc. aussi bien que l'hypothèse erronée de B. L. Bogaiewsky d'un régime de la société primitive sans classes, considérés comme des pures inventions sans preuves, les spécialistes soviétiques de l'Antiquité, ont établi que la période de l'existence de la société créto-mycénienne à la fin des III et II millénaire avant notre ère, est le commencement de l'apparition de l'épanouissement et de la décadence des premiers états-esclavagistes déjà avant des classes mais gardant encore des vestiges de la société des clans.

En même temps il était prouvé d'après la documentation nouvellement découverte que le régime social et économique aussi bien que la structure politique de la société créto-mycénienne ont subi une grande influence de la part des pays esclavagistes de l'Orient. Et pourtant la société

créto-mycénienne n'était pas une copie de la despotie antique de l'Orient. (A. J. Tümeneff, V. V. Strouvé, S. N. Lourié, I. A. Lentzmann et T. V. Blavatskaïa).

Dans leurs travaux les historiens soviétiques ont critiqué la conception d'une conquête „aérienne“ qui a prétendument importé du nord une haute civilisation grecque antique aux peuples créto-mycéniens. Il est clair, que les peuples indigènes créto-mycéniens bien avant l'arrivée des achéens et des doriens venus du nord, ont évolué indépendamment d'une influence quelconque en allant progressivement de la désagrégation des relations d'une communauté primitive vers la création des classes et d'un état. La migration des tribus achéennes et leur assimilation avec des tribus indigènes ont forcé (et non pas créé) ce procès d'une longue durée social et économique tout à fait local. En se basant sur des résultats du développement de la doctrine marxiste des migrations dans l'antiquité, aussi bien que sur des données nouveaux, et sur la littérature, les savants soviétiques ont tracé des voies qui doivent mener vers la solution du problème extrêmement compliqué et plus embrouillé encore par des apologistes d'une théorie „raciale“ du problème de l'origine ethnique des tribus créto-mycéniennes.

Il existe une opinion bien établie au sujet de la parenté et de la ressemblance linguistique, économique et culturelle de la population indigène antique avec les achéens, les doriens et d'autres tribus venus du nord, qui ont formé en commun dans un processus du développement historique d'une longue durée, le peuple grec uni et on créé la haute civilisation de la Grèce antique.

Pourtant les différents côtés du problème de la société créto-mycénienne ne sont pas encore étudiés à fond par la science marxiste. Certains problèmes se trouvent encore dans le stade des recherches et des études préliminaires.

C'est ainsi que pour la définition des traits caractéristiques de la société et de l'état créto-mycéniens il nous manque des preuves nouvelles. On a besoin de préciser le caractère de dépendance de la population indigène du pouvoir des rois crétois et mycéniens dans les deux siècles de cette histoire d'antiquité. On a insuffisamment étudié la documentation traitant la question d'apparition et du développement de l'esclavage ou les documents qui peuvent fournir des faits historiques de la lutte des classes à l'intérieur de cette société. On n'a pas établi nettement l'ensemble des événements et des causes de la décadence des sociétés crétoise et mycénienne.

A notre regret, nous sommes très peu informés au sujet de certaines caractéristiques concrètes de l'état mycénien. („Древняя Греция“ = „La Grèce antique“, Edition de l'Académie des Sciences de l'URSS, 1956, p. 59). Nous ne pouvons pas établir avec certitude quel était le nombre d'états et dans quelle partie de la Grèce ils étaient à l'époque mycénienne.

Il faut continuer l'étude des tous les aspects d'éthnogenèse des tribus de cette contrée. Il n'y a pas de doute, que les efforts unis des savants soviétiques, des spécialistes des pays démocratiques et des autres savants des pays étrangers, permettront d'éclaircir définitivement plusieurs questions discutables, concernant l'histoire du monde antique.

On peut considérer comme une preuve la publication d'un très grand nombre de travaux scientifiques consacrés à ce problème aussi bien en URSS qu'en Europe. On peut citer comme exemple la monographie de T. V. Blavatskaïa „Ахейская Греция = „La Grèce Achéenne“ qui doit paraître (d'après le plan de l'édition „Наука“ = „La Science“) à la fin de cette année.

En résumé nous pouvons dire, que les spécialistes soviétiques de l'histoire antique ont contribué à la solution scientifique des problèmes compliqués concernant la société créto-mycénienne, en se basant sur le développement du marxisme-léninisme et en luttant contre des théories et des opinions erronées; ils se sont servis de la documentation nouvelle apparue après le déchiffrement de l'écriture „B“ et ont utilisé après une analyse critique de la documentation amassée par les savants du monde entier.

К. К.

